

Год Змея

Змеиное гнездо

ГОД ЗМЕЯ

Яна
Лехчина

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л53

Иллюстрация на переплете и карта на наклейке *Тани Дюрер*
Дизайн обложки *Кати Петровой*

Лехчина, Яна.

Л53 Год Змея / Яна Лехчина. — Москва : Эксмо, 2023. —
416 с.

ISBN 978-5-04-186889-5

У слепой простолюдинки Рацлавы нет ни красоты, ни дара — только украденная колдовская свирель. С её помощью Рацлава ткёт песни, пленяющие человеческий разум, и из-за неё же попадает в беду: становится частью дани, которую требует хитрый крылатый змей.

Некогда он был человеком, а сейчас охраняет сокровища, сжигает города и не позволяет своим узникам доживать до следующего года. Покой его стережёт грозный воин — предводитель каменной орды, чьё имя гремит от южных низин до льдов Севера, — и пока караван с данью идёт по перевалам, Рацлава думает, как ей спастись.

Тем временем изгнанный княжич Хортим хочет вызволить из лап дракона свою сестру, гордую княжну Малику, но, пытаясь найти союзников, терпит неудачу за неудачей. Дорога приводит Хортима к далёким фьордам, где он неожиданно обретает то, что способно помочь ему в грядущих битвах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186889-5

© Лехчина Я., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Посвящается моим родителям

От автора

Привет! Вы держите в руках книгу, новое переиздание которой появилось исключительно благодаря читательской любви.

Если вы знали и поддерживали эту историю в 2016–2018 годах, когда она только была создана и впервые опубликована, если вы не забывали о ней всё это время, несмотря на издательские сложности, оставляли добрые комментарии, рисовали фан-арты, писали фанфики, рассказывали о ней другим, то вы — большая часть этой тёмной самоцветной сказки, и я рада, что она вам отозвалась.

Если вы впервые встретились с «Годом Змея» сейчас, что ж, добро пожаловать в Князьки горы! Дорога до логова дракона неблизкая, поэтому устраивайтесь поудобнее — и вперёд.

Яна Лехина

Позабыв Золотую Орду,
Пёстрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Николай Гумилёв

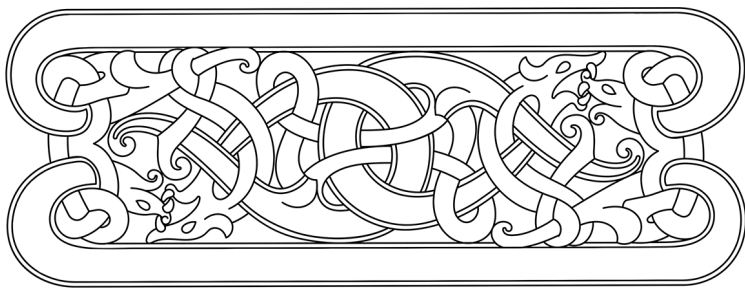
Пролог

Когда гремит гром, я думаю: это мой брат Рагне скачет на юг, чтобы сложить голову в битве против Сармата-дракона. Копыта его коня топчут дикие травы, а из боевого рога льётся страшный рёв. За его спиной — тысячи копий, но нет копья, способного пробить драконью чешую.

Когда падает снег, мне кажется, что это юный Ингол — тот из нас, кто умер первым, — идёт по горным перевалам. Он бос, но не чувствует холода. Он простирает к нам руки и просит оставить эту войну, ведь все мы — братья.

А когда с гор сходит каменная лавина, мне кажется, что это я раз за разом предаю единственного, кто мог одолеть Сармата, и преклоняю колени перед чудовищем.

Знаю, твоя свирель издаёт волшебные чистые звуки и заставляет людей повинаться зову. Так играй. Каменное сердце не дрогнет, но, если смогу забыть своих братьев хотя бы на мгновение, я буду счастлив.

Песня перевала I

Они покидали Черногород на рассвете. Узкие облака находили друг на друга, напоминая дорожное перепутье или светло-серую паутину тумана, раскинувшуюся по всему небесному куполу. Птицы летали низко, прорезая крыльями стылое утреннее марево, а солнце казалось блюдом из потемневшей бронзы. Было хмуро и холодно. Дурной знак. Тогда Оркки Лис впервые заявил, что от этого похода добра не будет, и его, конечно, никто не послушал.

Уезжали на трёх крытых телегах. В первой лежали припасы для людей, идущих к Матерь-горе, во второй была дань, а в третью посадили драконью невесту и купленную для неё старуху-рабыню. Девушку вывели из Божьего терема, с головы до пят закутанную в бледно-лиловое покрывало, — Оркки и видел только полную фигуру да белые руки, за которые её вели две женщины. Провожатые пели и сыпали под ноги драконьей невесте крупу из плетёных корзин, и от их глубоких, звенящих голосов Оркки зябко поёжился.

— Ветер с северо-востока, — объяснил он, перехватив взгляд Тойву, предводителя похода. И поправил ворот мехового плаща. — Морозно.

Тойву кивнул и погладил шею мерно дышащего коня. Под Оркки же конь дрожал — нервно постукивал копытами, пока хозяин перебирал поводья и прищуренно наблюдал за драконьей невестой, ступавшей по рассыпанному зерну.

— Недобрый у тебя взгляд, Оркки Лис. — Тойву чуть улыбнулся из-под медно-рыжих усов. Его выдох повис прозрачной сизой дымкой. В ответ губы Оркки изогнулись, а пальцы сильнее сжали поводья.

Женщины, ведущие драконью невесту, создавали неземной звук. Их песня дробилась на многоголосое эхо и окутывала горные вершины, как саван — мертвеца. Эта песня была не то свадебная, не то поминальная. Горсти крупы ложились на мёрзлую землю: тронутая инеем трава, схваченные морозом цветы и осыпавшиеся ягоды рябины — провожатые разбрасывали зерно, будто засеивали поле, которое топтала драконья невеста. Она покачивалась, как ладья на волнах, послушно плыла по седой траве и красным ягодам, и женщины подле неё пели настолько звучно и страшно, что, не выдержав, Оркки отвернулся.

— Прогнать бы всех, — сплонул он, поглядывая на столпившихся зевак.

К Матерь-горе уходили не за ратным подвигом. В жены отдавали не княжну, а пастушью дочь, и не славному воину, а Сармату-дракону — тому, кто, заточённый в недра горы, спал тысячу лет и проснулся тридцать зим назад. Но люди, замкнув Божий терем в кольцо, шуршали кафтанам и юбками, платками и шапками, мехами и сукном, выпускали изо ртов голубоватый пар и пытались удержать вырывающихся вперёд детей. Хотя не было ни князя, ни оставшихся его дружинников — тех, что не пошли с Тойву. Князь понимал, что к Матерь-горе везут позорный откуп — мольбу о пощаде, и свои приказы отдал без лишних ушей.

Тойву поскрёб подбородок.

— Народу любопытно.

Конечно, любопытно. Может, это и бесславный путь, но опасный, а в телеге лежала богатая дань. Поэтому среди идущих к Матерь-горе не нашлось ни слабых, ни трусливых. Можно было любоваться и юркими, жилистыми людьми Оркки Лиса, и кряжистыми воинами Тойву — да и самим князьим дружинником, похожим на молодого медведя. Тойву носил закруглённую бороду и медно-рыжие волосы до лопаток, смотрел спокойно и рассудительно льдистыми

голубыми глазами. В росте — дуб, в плечах — косая сажень. У Оркки глаза были лисьи, карие. Хитроумные. И напоминал он не дуб, а гибкий тис.

Черногородцам хотелось посмотреть не только на спрятанную под покрывалом драконью невесту. У воительницы Совьон, высокой и крепкой, носящей кольчугу и шлем, на плече сидел приручённый ворон, а на правой скуле синел шаманский полумесяц. Высокогорница Та Ёхо, чьё племя жило в юртах на острых вершинах Княжьих гор, считала Черногород низиной сродни Пустоши. И даже горы для неё были не Князьи, а Айхаютам, Хребет Зверя.

Едва драконью невесту посадили в повозку, конь Оркки заржал и выпустил из ноздрей горячие струи воздуха.

— Велишь ехать?

— Велю, — кивнул Тойву. — Ну, с миром!..

Не будет никакого мира, чувствовал Оркки. Серая птица, пролетающая над Божьим теремом, рухнула в мёрзлую траву, и над ней взмыла перепуганная чёрная стая. В толпе жалобно провыл колченогий белый пёс. Провожатые драконьей невесты завершили свои песни отчаянными рыданиями и, вцепившись ногтями в лица, оставили на щеках кровавые бороздки царапин. А затем рухнули на замёрзшую рябину и рассыпанное зерно, запустив пальцы в холодную землю.

Оркки Лис вновь сплюнул и натянул поводья.

Черногород, окружённый пиками скал, стоял на мягком чернозёме в устье трёх рек. Это был запад Княжьих гор, колыбель династии Мариличей, правивших хоть и небольшими, но плодородными угодьями от южного Ядвигинога Щита до Мглистого Полога на северо-востоке. Не успел город скрыться из виду, как Совьон, стегнув одноглазого вороного коня, поравнялась с Тойву. Оркки Лис недовольно взглянул на птицу у неё на плече.

— Как начнём спускаться с холма, увидим Шестиликий столп. — Совьон всегда говорила одинаково размеренно, словно ничто не могло вывести её из себя. — Вёльхи поставили его в память о шести князнях, высланных в Белую Яму. Разреши девушке просить у него защиты.

Оркки ощерился:

— Потеряем время, а оно нам дорого. Неизвестно, обойдётся ли без обвалов.

Ворон на плече каркнул. Совьон, продолжая смотреть на хранившего молчание Тойву, обронила:

— И не стыдно тебе, Оркки Лис? Девушка сюда не вернётся.

Да, не вернётся. Никто не возвращался. Рабы, слуги, невесты — по рассказам, они жили у Сармата не больше года. Дураки-шаманы верили, что они кончали с собой из-за проклятия Матерь-горы или их убивали каменные воины, про которых говорили сумасшедшие беженцы из сожжённых деревень. А Оркки, как и все здравомыслящие люди, понимал, что в этом вина только чешуйчатой твари.

Просить защиты? Зачем? Ничто не защитит сокровища от Сармата. Девка, наверное, надеялась поразить ящера храбростью и красотой, но каких красавиц ни отдавали княжества за последние тридцать лет — все погибли. Если черногородская невеста и была чудо как хороша, то Оркки этого не знал. Он не видел её лица.

Не стыдно ли ему? Лисьи глаза налились кровью. Совьон младше его, к тому же баба, а смотрела мимо и говорила так, что подобное Оркки спустил бы лишь Тойву. Язык мгновенно присох к небу. Но, хвала богам, Оркки Лис был хитёр и осторожен, а не скор на расправу.

Прочистив горло, он обратился к предводителю:

— Неоправданная остановка, и мало того что пустая трата времени — девка наверняка захочет бежать.

Тойву резко качнул головой и возразил:

— Эта не сбежит.

Ворон на плече Совьон каркнул дважды.

— Не успели тронуться, а уже останавливаемся. Плохая примета.

— Примета! — Совьон подняла к небу глаза — синие, как полумесяц на скуле. — А я думала, что я суеверна, Оркки Лис.

Тойву взмахнул ладонью.